

Н. П. НЕСТЕРОВА
Уральский университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ «ИМПЕРАТОРСКОГО ПРИНЦА»: НАПОЛЕОН IV И ФАШИЗМ

Вопрос о связях фашизма и французской политической мысли XIX – начала XX вв. поставлен уже довольно давно. Эрнст Нольте, Зеев Стернхелл, и ряд других исследователей XX века рассматривают в качестве своего рода «протофашизма» французские политическую мысль и политические движения рубежа XIX и XX вв., прежде всего указывая в качестве предшественников фашизма Шарля де Морраса и его монархическое движение «Action Française» («Французское действие»)¹. Исая Берлин отыскивает истоки фашизма в философии Жозефа де Местра², французского философа начала XIX в., главной идеей которого является представление о революции как об абсолютном зле³. Элитаризм и аристократизм философии Жозефа де Местра⁴ сближает его с идеями Юлиуса Эвола. Главным средством борьбы с революционной заразой Жозеф де Местр считал создание общества, основанного на порядке, доведенном до тоталитарного уровня⁵.

Эрнст Нольте также видел в философии Жозефа де Местра один из источников формирования фашистской идеологии⁶. Однако значительно большую роль в формировании фашистской идеологии Эрнст Нольте и его последователи видели в идеях французских монархистов рубежа веков, прежде всего в идеях Шарля де Морраса. Не случайно истории формирования и деятельности «Action Française» на начальном этапе существования данной организации Нольте посвятил значительную часть своего основного труда «Три шага фашизма» (позднейшее название — «Фашизм в своей эпохе»). Позднее, рассматривая «французские истоки» фашистской идеологии, израильский исследователь Зеев Стернхелл подчеркивал «правую революционность», лежавшую в основе формирующегося фашистского движения⁷.

Правые основы, движение французских монархистов, сторонников «порядка», — вот то общее, что выделяют современные исследователи, говоря о «французских истоках» фашизма XX века. Однако мало кто из историков фашизма обращается в этой связи к собственным материалам фашистского движения. Вопрос, видели ли сами фашисты какие-либо французские корни своего движения, оставался вне поля зрения исследователей.

Татьяна Петровна Нестерова, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана по научной работе факультета международных отношений Уральского государственного университета. Сфера научных интересов — история стран Южной Европы (Италии, Франции, Испании), история международных отношений межвоенного периода, история культуры Италии и Франции.

¹ См. Михайленко В. И., Нестерова Т. П. Тоталитаризм в XX в.: Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000. С. 39-40.

² Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 206-298.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 255, 297.

⁵ Там же. С. 298.

⁶ Nolte E. Il fascismo nella sua epoca: I tre volti del fascismo. Carnago, 1993. P. 77-78.

⁷ Sternhell Z. La destra rivoluzionaria: Le origini francesi del fascismo 1885-1914. Milano, 1997. P. 78.

При непосредственном обращении к идеологическим текстам фашистского движения можно констатировать факт, что сами фашисты однозначно видели влияние французских идей на формирование фашистской идеологии, однако чаще всего это были левые, революционные, а не правые, монархические идеи. Фашизм подчеркивал свое исторически левое происхождение, отрицая тем самым правопреемственность «левой», революционной традиции как неотъемлемую принадлежность исключительно только социалистических и коммунистических партий и движений (идеологи которых однозначно относили фашизм к числу «правых», даже «крайне правых» сил).

Среди французских политических идей, с которыми соотносили себя фашисты, первое место занимают, безусловно, идеи французской революции. 6 декабря 1934 г. один из виднейших фашистских иерархов Джузеппе Боттаи выступил с лекцией «От французской революции к фашистской революции» в университете Сорбонны (Париж)⁸ где, среди прочего, доказывал связь фашистских идей с наиболее левыми идеями эпохи французской революции, оппозиционными либеральной демократии в классическом ее понимании.

Однако не только с идеями французской революции связывали свои «французские» корни идеологи итальянского фашизма. Совершенно неожиданной фигурой среди французских «предшественников» фашизма, отмеченных фашистскими авторами, оказался Наполеон IV — «императорский принц» Эжен Луи Жан Жозеф Наполеон Бонапарт (1856–1879), сын императора Франции Наполеона III (1852–1870), которого сторонники династии Бонапартов после смерти его отца в 1873 г. называли «императором Наполеоном IV».

Родившийся в 1856 г. «императорский принц» Наполеон стал «надеждой II Империи», так как именно рождение наследника позволило императору Наполеону III отстранить от наследования престола нелюбимого двоюродного брата — принца Наполеона Жерома. Падение II Империи в сентябре 1870 г. отразилось и на судьбе «императорского принца»: императрица Евгения, супруга Наполеона III, вывезла сына в Великобританию, куда в 1871 г. прибыл и низложенный французский император. Принц Эжен Луи Наполеон поступил в одну из британских военных академий, которую окончил в 1878 г. и получил звание лейтенанта артиллерии. В феврале 1879 г., преодолев сопротивление матери, принц добился назначения в действующую армию, желая принять участие в войне с зулусами и тем самым «засвидетельствовать свою признательность королеве и британскому народу»⁹. В июле 1879 г. принц Наполеон погиб в бою в районе Улунди.

В 1928–1929 гг. статьи, посвященные памяти «императорского принца», появились в различных изданиях Франции и Англии. Наиболее значительная из них была опубликована в журнале «Ревю де Пари»¹⁰. В них много говорилось о судьбе и гибели принца Наполеона, о его участии в англо-зулусской войне, публиковались документы, связанные с его именем, но практически нигде не было упоминаний о его политической программе и политической деятельности. Авторы публикаций ограничивались в основном констатацией факта, что принц Наполеон был «знаменем своей партии» и номинальным главой дома Бонапартов.

В феврале 1930 г. в итальянском журнале «Анти-Европа» — одном из официальных изданий Национальной фашистской партии Италии — была опубликована

⁸ Archivio storico Fondazione Ugo Spirito (Roma). Fondo Giuseppe Bottai. B. 3. Fasc. 9. Bottai G. De la Révolution Française a la Révolution Fasciste.

⁹ Larminat des Garets M., de. La Mort du Prince Impérial (Mémoires du Comtesse des Garets) // La Revue de Paris. P., 1928. № 20. P. 745.

¹⁰ Ibidem. P. 737–769.

статья Карло Эудженио Базиле «Наполеон IV — конституции его и наша (1878 — 1929)», посвященная политическому наследию «императорского принца»¹¹.

С точки зрения Карло Эудженио Базиле, значительно более существенным фактом короткой биографии Наполеона IV, чем его участие в Зулусской войне или формальное руководство «императорской партией», была разработка им документа, завершенного в марте 1878 г., незадолго до отъезда в Южную Африку. По мнению принца Наполеона, этот документ должен был стать теоретической основой конституции новой Империи в случае, если Франция вернется к императорской форме правления. Документ в переводе на итальянский язык был опубликован в журнале «Анти-Европа»¹².

В меморандуме Наполеона IV излагаются основные политические параметры, в соответствии с которыми должна строиться конституция Франции в случае возвращения к императорской форме правления и создания во Франции III Империи. Меморандум разделен на 11 пунктов. В первых пунктах подчеркивается, что представительная демократия не может соответствовать необходимому для страны политическому и социальному строю. Необходимо формирование нового управляющего слоя (Наполеон IV называет его аристократией), но этот управляющий слой, в отличие от феодальной аристократии, не должен быть замкнутым сословием, оторванным от народа (Нации). Принц Наполеон призывает к формированию такой аристократии с раннего детства, так как только с детского возраста можно привить людям правильное понимание общественной структуры и своего места в этой структуре. Фактически речь идет о том, что равные перед законом в уголовном смысле граждане не являются равными в политическом смысле, их политические права различны в соответствии с их социальным уровнем. При этом все достойные должны участвовать в управлении, а все недостойные — отстранены от него.

Наконец, в последних пунктах своего меморандума принц Эжен Луи Наполеон подчеркивает, что в настоящее время существуют две социальные группы, оказывающие на страну только разрушительное влияние: парламентские политики и еврей-финансисты, обладающие огромными капиталами.

В заключении документа Наполеон IV подчеркивает, что Франция должна вернуться к традициям, концентрирующим опыт столетий, но также и создать принципиально новые общественные институты, соответствующие современности.

В идеях, изложенных в данном меморандуме принцем Эженом Луи Наполеоном, можно найти определенные черты сходства с идеями, вошедшими в арсенал фашистской мысли. Антидемократизм Наполеона IV перекликается с антидемократизмом Муссолини, который еще в феврале 1922 г. подчеркивал: «Демократии присущи легковесность, безответственность, тенденции к компромиссам и сделкам, мы — категорически против демократии»¹³.

«Демократия фальшива: ее принципы применимы только в ординарных условиях жизни, но не при чрезвычайных обстоятельствах», — отмечал Муссолини в декабре 1937 г.¹⁴ С другой стороны, принц Эжен Луи Наполеон подчеркивал всенародный характер государства, основанного на жесткой иерархии, что также связывает его идеи с основами фашизма. Муссолини также, отрицая парламентскую демократию, подчеркивал (в 1926 г.) демократический характер фашистского государства: «В истории никогда еще не было подлинного демократического режима, — теперь такой есть: это государство народа, наше государство»¹⁵.

¹¹ Basile C. E. Napoleone IV — Una sua costituzione e la nostra (1878-1929) // Antieuropa. 1930. № 2. P. 820-830.

¹² Ibidem. P. 822-824. Перевод документа приведен в Приложении к данной статье.

¹³ Dizionario mussoliniano. Bologna, 1994. P. 52.

¹⁴ Ibidem. P. 53.

¹⁵ Ibidem. P. 54.

Конечно, на ранних этапах существования фашистского режима в фашистской идеологии отсутствовал антисемитизм, столь ярко выраженный в меморандуме Наполеона IV. С другой стороны, принц Эжен Луи Наполеон нападал не на евреев как этнос, а на то, что во фразеологии XX в. звучало как «плутократия», господство богачей, оскорбительное для населения страны еще и потому, что господствующий слой богачей был этнически чужд основной массе граждан. Плутократия стала спрутом, разъедающим государство – писал в статье «Плутократия» основатель миланской Школы фашистской мистики, публицист и философ Никколо Джани¹⁶. Тем не менее антиплутократические идеи легко вели к формированию расизма и антисемитизма – не случайно тот же Никколо Джани был одним из наиболее ярких идеологов фашистского расизма, рассматривавшего евреев в качестве расово чуждого элемента на территории Италии.

Рассматривая меморандум принца Эжена Луи Наполеона, можно найти черты сходства с идеями философа-традиционалиста Юлиуса Эвола, подчеркивавшего аристократизм как основу для возрождения национального духа и величия страны. Одной из основополагающих идей в творчестве Юлиуса Эвола была ярко отраженная в меморандуме Наполеона IV идея Иерархии – «принципа, являющегося предпосылкой новой идеи государства»¹⁷. Столь же важен был принцип Иерархии для фашизма – не случайно теоретический журнал фашистской партии, основанный Муссолини, так и назывался «Gerarchia» (Иерархия). Оценивая фашизм в 1928 г., Эвола писал: «В Италии фашизм уже ведет борьбу против парламентаристской язвы, против демократии и социализма. Воля к порядку и иерархии, к мужественности и к авторитету должна привести к новой национальной реальности. Признание позитивной стороны этого движения не исключает, однако, многих присущих ему ограничений, и, если таковые не будут преодолены, то тогда они лишь еще более отдалят Италию от истинного, традиционно-аристократического возрождения»¹⁸. Монархия для Эвола – одна из высших ценностей, но монархия традиционная, а не либеральная, по сути искаженная, извращенная. Неприемлемым для Эвола казалось также обращение фашизма к традиции итальянского Рисорджименто, в частности к Мадзини: с точки зрения Эвола, Мадзини пытался синтезировать несовместимое – Рим и социализм, искажая идеалы «римского» Рима «прогрессом»¹⁹. В то же время ликторский культ, прославление Имперского Рима воспринималось Эволой значительно более благоприятно. Для Юлиуса Эвола оказалась во многом неприемлемой именно реальная практика фашистского государства, часто основанная на компромиссе с «либеральным» государством – монархией Савойской династии, на компромиссе с католической церковью²⁰ и т. д.

Необходимо отметить, что издатель текста меморандума Наполеона IV Карло Эудженио Базиле подчеркивал, что 22-летний принц пришел к идеям, вполне актуальным в XX в.: формированию продажного слоя парламентских политиков, чуждых действительным интересам нации и государства, существованию еврейской банковской плутократии, необходимости образования нового управляющего слоя путем воспитания с раннего детства, необходимости создания иерархического порядка управления государством, поскольку такой поря-

¹⁶ Giani N. Plutocrazia // http://digilander.libero.it/italcau/9_b_storia/storia12.htm.

¹⁷ Эвола Ю. Языческий империализм. М., 1994. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ Там же С. 64-66.

²⁰ «Семитский элемент пошел дальше и узурпировал универсальный символ Рима. Возникла Католическая Церковь...» (Эвола Ю. Языческий империализм. М., 1994. С. 29).

док обеспечит стабильное и эффективное развитие²¹. К. Э. Базиле находит много общего в идеях Наполеона IV и реальности фашистского государства конца 1920-х гг.

Однако действительно ли меморандум Наполеона IV мог повлиять на формирование фашистских идей?

Можно предполагать, что это маловероятно. Меморандум принца Эжена Луи Наполеона в XIX в. был известен лишь узкому кругу лиц. Бонапартистская партия во Франции после краха II Империи практически сошла на нет, французский монархизм в конце XIX в. сосредоточился вокруг наследника Орлеанской ветви Бурбонов, назвавшего себя «королем Филиппом VII». Реальным лидером позднего французского монархизма и оказался Шарль де Моррас, создатель и идеолог движения «Action Française». Бонапартисты в системе позднего французского монархизма оказались маргиналами, тем более что бонапартистские претенденты, считавшие себя наследниками императорской династии Франции после смерти Наполеона IV, – принц Наполеон Жером и его сын принц Наполеон Виктор (племянник короля Италии Виктора Эммануила II, сын принцессы Клотильды Савойской) – популярностью даже в собственной партии не пользовались. Таким образом, политическое наследие Наполеона IV, фактически ограниченное приведенным меморандумом, осталось во французской политической мысли не востребованным.

Тем не менее мы можем констатировать факт, что ряд идей, характерных для политической мысли XX в., в том числе и для фашизма, можно выявить во французской, в том числе и бонапартистской, политической мысли XIX в.

И снова в связи с этим встает вопрос о «правом» или «левом» характере фашистской идеологии и ее идейных предшественников. Современный германский публицист Армин Мёллер в работе «Фашистский стиль» подчеркивает, что современные консерваторы все время пытаются сдвинуть «влево» фашизм и национал-социализм, традиционно относимые к идеологиям «правой» части политического спектра. С другой стороны, А. Меллер подчеркивает резкие различия между фашизмом и национал-социализмом, фактически делавшие эти реальные идеологии «чуждыми» друг другу²². Тем не менее Меллер сохраняет верность традиционному подходу к фашизму, относя его и его предшественников к «правым» движениям.

Однако трудно согласиться со столь однозначной оценкой. В формировании фашистской идеологической системы несомненно присутствуют «французские корни» – от якобинцев эпохи Французской революции XVIII в. и Жозефа де Местра до Наполеона IV и Шарля де Морраса. Мы можем констатировать факт сложного переплетения «революционной» и «анти-революционной» (не контрреволюционной!) традиций, причем по многим параметрам можно считать, что преобладала именно революционная традиция, с идеями прямой демократии, обращенной непосредственно к народу, государства-нации, сложной системы государственной иерархии. Монархия Наполеона I и Наполеона III, преемником которых выступал Наполеон IV, выросла из революций XVIII и XIX вв., и идеологически принца Эжена Луи Наполеона можно, вероятно, отнести к числу предшественников «консервативной революции» XX в., объединившей идеи традиции и революции.

Поэтому можно предполагать, что обращение итальянских фашистов к политическому наследию Наполеона IV не было случайным – они действительно почувствовали идеологическое родство позднего бонапартизма и фашизма.

²¹ Basile C. E. Napoleone IV – Una sua costituzione e la nostra. P. 828.

²² Möller A. Der Faschistische Stiel // <http://www.nationalism.org/vvv/moeller.htm>.

Меморандум принца Эжена Луи Наполеона

Рекомендации для подготовки имперской конституции

1. Страна с 36 миллионами жителей не может управляться на базе демократической конституции, в соответствии с которой принимают участие в управлении общественными делами, и последние не являются монополией немногих. Сложность вопросов собственно политики, права, администрации, военного дела, связанных с развитием науки и укреплением национального единства; необычайное интеллектуальное и моральное неравенство, которое отличает низшие слои от высших классов общества (неравенство, с которым наука и разделение труда не могут сделать ничего иного, кроме увеличения его) — все это требует, чтобы правление оказалось в руках лучших, для которых общественная деятельность стала основой карьеры.

2. Поэтому необходимо для гарантии уважения авторитета, стабильности и прогресса институтов, обеспечивающих функционирование публичной власти, создать управляющий класс, который будет аристократией *de facto*, и на который опирался Наполеон I. С социальной точки зрения, аристократия в равной степени необходима, так как без аристократии (то есть правления лучших) не существует образованного общества, не может быть прогресса ни в области духа, ни в сфере искусств. Такая аристократия, с точки зрения чести, вкуса, духа, компетентной справедливости, придает обществу стремление к укреплению духа и стимулирует заслуги.

3. Для учреждения этого необходимо:

а) пересмотреть в сторону ограничения функции публичной власти, переданные независимым от центральной власти органам;

б) создать питомник, основание которому должны положить семьи функционеров и образовательные институты, для цветов юности. Он должен — без возвращения к феодальному режиму, без насильственного равенства всех перед законом, формировать благородные правящие семьи, в которых сыновья не будут иметь иных амбиций кроме общественного служения и приобретения достоинства для своего имени и славы для нации.

4. Аристократия оптиматов, вероятно, достойная такого имени, будет создана во Франции, когда она восстановит политическую силу и французскую администрацию на следующих основаниях:

а) суверенитет не принадлежит большинству нации, но принадлежит как целое политическим структурам, установленным во Франции, вне собственно населения, непрерывным образом, в согласии с народом и государем;

б) граждане равны перед законом, но пользуются различными политическими правами в зависимости от их социального уровня.

5. Социальный ранг не определен функциями и должностями, которые занимает гражданин, но все функции и должности должны быть собственностью граждан, не продажной, но даваемой за заслуги и изымаемой при неспособности.

6. Каждый человек, который по своему интеллекту, по своему имуществу, по своему рождению находится выше середины, должен занять свое специальное место в Государстве.

7. И тогда все живые силы будут использованы на благо Нации.

8. Доступ ко всем должностям открыт для всех, и те, кто их занимает, должны быть достаточно независимы от Правительства, потому что лучшие из всех партий не могут служить Государству при любом другом режиме, кроме этого.

9. В стороне от слишком многочисленного персонала учреждений и от правительственных чиновников, слишком униженных отсутствием реальной

поддержки со стороны государства, мы имеем во Франции категорию политиканов, которые развиваются в системе парламентаризма.

10. И это — в настоящее время — единственная национальная аристократия, готовая разрушать, уничтожать страну.

11. На фланге этой когорты, состоящей из тех, для кого популярность есть карьера, — существует и своего рода класс аферистов, агентов политического и социального влияния — евреи, обладающие миллионами, для которых карьера — это спекуляция. Они не имеют ни религии, ни родины, ни обязанностей, и это — несмотря на силу, которую они имеют благодаря своим огромным капиталам. Эти силы необходимо разрушать, поскольку они влияют на дух общества, определяют аморальность и зависть бедняков дурно приобретенному богатству, разъедают Францию, как проказа. Не отрицая успехи и достижения нашего века, не отрицая, что имперская идея есть необходимость, не оставляя ее в руках Бурбонов, — для спасения Франции необходимо ввести все институты, которые не являются только пустой теорией, но концентрируют в себе опыт столетий; вернуться к традициям — в границах возможного — вот то, что может сделать Франция.

Чайлхёрст, март 1878 г.

Наполеон

SUMMARY

At formation of fascist ideological system undoubtedly there are «French roots» — from jacobins in epoch of the French revolution of the XVIII-th century and Josef de Maistre up to Napoleone IV and Charle de Morras. We can ascertain the fact of a complex interlacing «revolutionary» and «anti-revolutionary» traditions, and on many parameters it is possible to consider, that the revolutionary tradition, with ideas of direct democracy inverted directly to the people, state — nation, difficult system of state hierarchy prevailed.